

УДК 811.161.1'28
ББК 81.411.2-025.7

ЗАВОЛЖСКАЯ ГРУППА РУССКИХ ГОВОРОВ

Супрун Василий Иванович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания
Волгоградского государственного социально-педагогического университета
suprun@vsru.ru
Проспект Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Описана группа русских говоров Заволжья. Определены основные черты фонетической, морфологической и лексической систем, отмечена их гомогенность, позволяющая выделить данную группу в качестве самостоятельной. Приведены примеры диалектизмов разных типов.

Ключевые слова: русская диалектология, диалектизм, гиперизм, говоры, Заволжье.

Основатель Волгоградской диалектологической школы профессор Л.М. Орлов (см. о нем [7]) в своих трудах мало внимания уделял говорам заволжских сел региона, что и понятно: Заволжье было заселено в основном украинцами и немцами, русская речь в их селениях была насыщена интерферентными явлениями; речь русских переселенцев, появившихся здесь в большом количестве после выселения немцев, не составляла диалектного единства, поэтому изучение этих говоров не могло внести существенного вклада в изучение диалектной картины области. Леонид Михайлович знал о существовании русских сел на северо-западе Заволжья, в его исследованиях приводятся факты народной речи с. Красный Яр, этот населенный пункт нанесен на его диалектологические карты [3], однако материал был им получен, видимо, от местных респондентов, не сопоставлялся с фактами народной речи соседних сел, поэтому при классификации волжских говоров данные поселения не были включены ни в одну из диалектных групп [11, с. 91–93].

Обработка материалов диалектологической экспедиции 2012 г. в русские приволжские села Старополтавского района позволила выделить особую заволжскую группу рус-

ских говоров Волгоградской области, причем в нее входят только Черебаево, Красный Яр и Белокаменка, а расположенная рядом Иловатка обладает фонетико-грамматическим и отчасти лексическим своеобразием, не позволяющим включить ее в данную группу [20].

В процессе подготовки к экспедиции были проработаны документы, относящиеся к указанным заволжским селам и хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области (ГАВО). В ходе коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (конец 20-х – начало 30-х гг. XX в.) в большом количестве составлялись протоколы собраний о создании колхозов, в органы власти подавались заявления и докладные жителей сел, фиксировались акты записи изъятого у выселяемых крестьян имущества и т. п. Протоколы чаще всего оформлялись местными жителями, окончившими в лучшем случае начальную школу, не часто прибегающими ранее к письму как способу фиксации речи, что и стало причиной проникновения диалектизмов в письменную речь (см. подробнее: [19]). Был составлен список слов с диалектными фонетико-морфологическими и лексико-семантическими признаками, которые фиксировались в архивных документах: *анбар*, *бадейка*, *гей-*

ша, доёнка, думка, жом, занавеска, запон, каретник, картовь, кизы, клева, кожа чёртовья (ткань), колдовая, конюшня, ланпа, мазанка, матерьял штанной, молонья, мотушок, мука крупчатая, мука рожаная, накидка, парус (ткань), пинжак, платенце, погребница, подловка, подушка головная, подушка спальная, половня, пололка, полость, пошеничный, противень, сак селёдочный, сапоги валяные, своячиня, сковрада, сокорь, стоканья, столешник, стуло, султанка, табаретка, угольник, фура с ящичком, царай, чигун, шаль покрывная, шатланка, шерстянка и др. Большинство из них было обнаружено в ходе экспедиции, некоторые либо исчезли из говора, либо нуждаются в дополнительном подтверждении в ходе последующих экспедиций.

Фонетическая система заволжского говора включает следующие явления:

– полное аканье: [апара], [гамат], [кампот], [запароть], [вада], [вадой], [драблёнка], [акатицца], [гаварил], [карапет], [бадейка] (здесь и далее в транскрипции ударный звук выделен полужирным шрифтом);

– ассимилятивно-диссимилятивное яканье: [бьяда], [зямля], [бияжок], [свьякрофь], [вясной], [чяво], [чяснок], [пяку], [пратярёш], [кипятиш], [нямые];

– иканье, проявляющееся в говоре, видимо, под влиянием литературного языка: [зирнушки], [густира], [ризак], [милистин], [биссмертник], [вирха], [с вирхоф].

Л.М. Орлов отмечает в Красном Яру только иканье [3, карта 2].

Яркой чертой вокализма заволжских говоров является стяжение гласных. Оно проявляется в глагольных, адъективных и прономинальных формах, как и в северном наречии русского языка [5, с. 74]: [сделаш], [сматаш], [вытягават], [аставлям], [сумеш], [сваво]; [руска], [бела], [жырна], [висення], [вязальны], [сялёдачны], [царски]. Стяженные формы прилагательных, неличных местоимений и глаголов отмечены также в акающих говорах Саратовской области [10, с. 9], однако полного совпадения в них других фонетических процессов с аналогичными процессами в наших заволжских селах не обнаруживается.

В говоре достаточно регулярно представлены явления, определяемые диалектологами

как «редукция безударного гласного до нуля и вставочные гласные» [16, с. 112]. Синкопа, то есть полное выпадением редуцированного гласного, происходит в соседстве с сонорными согласными [13, с. 69]: [виртяно], [пиркручиваш]. Вставной гласный в словах [горан], [моланья], [поласть] является результатом второго полногласия [6, с. 217]. Эти явления представлены и в архивных документах: *две сковроды, платенца, навлочка; муки пошаничной, муки рожаной; горон, молонья (лампа), полость* (ГАВО, ф. 1362, оп. 3, д. 1, лл. 72, 196, 197, 266).

В системе консонантизма заволжский говор близок литературному языку. В нем встречается взрывной [г], чередующийся в слабой позиции с [к]: [глиняны], [ноги], [год], [пагребница], [куга], [гарлянка]; [пирок], [бизнок], [ня мок], [ни збярёк]. В родительном падеже мужского рода прилагательных и местоимений [г] переходит в [в]: [каво], [чаво], [сваво], [яво], [тёплава].

В расположенной рядом Иловатке функционирует фрикативный [γ], чередующийся с [х]: [пирох], [сапауи], [γусары] (Ил. 1).

Из других явлений консонантизма заволжского говора отметим, что в словах [баушка], [бакаушка] выпадают [б] и [в] в интервокальной позиции. В слове [дыхло] отсутствует палатализация.

Во время диалектологической экспедиции в заволжском говоре регулярно фиксировалось слово *царай*, которое было обнаружено и в архивных документах (ГАВО, ф. 1362, оп. 3, д. 1, лл. 277, 287). Отсутствие в говоре деаффрикации [ц] > [с] и гиперизмов с чередованием [с] > [ц] дает основания предположить, что эта лексема пришла в Заволжье уже в готовом виде из других говоров. Гиперизм *царай* отмечен в донских казачьих говорах [18, с. 639], где употребляются также лексикализованные единицы *свет, светастый, светной, светок, светочек* с чередованием [ц] > [с] [18, с. 533–534]. Отсутствие непосредственных контактов между донскими и заволжскими говорами не позволяет уверенно говорить о прямом заимствовании, возможно, слово проникло в Заволжье через другие волжские говоры.

В диалектах часто лексикализируются формы слов, не являющиеся результатом ре-

гулярных фонетических чередований. Под лексикализацией понимается «превращение одной из форм слова (реже служебной морфемы или словосочетания) в самостоятельную лексему (нередко с новым лексическим значением и новыми грамматическими свойствами)» ([4, т. I, с. 1118]; ср.: [1, с. 215; 9, с. 176]). Лексикализированным является отмеченное в Заволжье слово *клев* с переходом [x] > [к]. Данное фонетическое явление представлено широко на территории обоих наречий русского языка, но ни в одном из говоров нет полного вытеснения [x] > [к] [13, с. 56–57]. Слово *клев* зафиксировано в говоре (*Клеф для ската, а в сараи можна свалить фсе*. – Бк.), отмечено в Красном Яру на диалектологической карте [3, карты 106, 107]. Лексема *клев* встречается в донских говорах [18, с. 246], а также во многих других русских говорах [13, с. 56]. Лексикологизованной, вероятно, можно считать форму [чигун], в которой в первом предупредительном слоге произошла замена [у] > [и] в результате дистантной диссимиляции гласных.

Изолированными фактами являются также формы слов, отражающие чередование [а] > [о]: [карга] – [корги], [сажать] – [содим], – характерное для многих южнорусских говоров и просторечья. Л.М. Орлов отмечает в Красном Яру форму *плотим* [3, карта 6].

Морфологически говор также выделяется среди других южнорусских. В нем отмечена краткая форма прилагательных и причастий в именительном падеже трех родов и обоих чисел и в винительном падеже единственного числа слов женского рода: [стены глиняны], [баланду жыдиньку], [кажурку калючу], [шырока маслиница], [руска китайка]. Особые формы имеют глаголы 1 спряжения в настоящем и простом будущем времени: [срывааш], [вытягават], [аствалям], [сумеш]. Эти морфологические явления обусловлены фонетическим процессом стяжения. Глаголы 1 спряжения с основой на заднеязычный согласный утратили палатализацию: [стикёт].

У существительных отмечено окончание *-ов*, которое встречается повсеместно в родительном падеже 1 и 2 склонений [13, с. 101] и зафиксировано во многих говорах южного наречия [12, с. 114]: [валинкаф], [у саседаф], [плитаф], [речкаф], [свадьбаф]. В говоре имеются два окончания творительного падежа:

регулярное *-ами* и *-ими* для слов с основой на заднеязычный согласный: [яблыкими], [иголкими], [с сумкими], [пышычкими], [кружочкими]. Слова среднего рода имеют во множественном числе окончание *-ы*: [стёклы], [адиялы], [яйцы]. Нерегулярно отмечается переход слов среднего рода в мужской: [адин дериwa], [свой малако], [масла был фкусны]. У прилагательным встречается в предложном падеже ед. числа окончание *-ым/-им*: [ф чужым доми], [в васьмым часу]. Местоимение *он* в творительном падеже имеет форму [ём], [с нём].

Среди лексем, зафиксированных в заволжском говоре, отмечаются прежде всего названия предметов крестьянского обихода. При этом они отражают «этнографические различия и разнообразие природных условий, в которых складывалась жизнь русского народа» [15, с. 222]. Широко встречаются названия различных блюд и сопровождающие их слова. К празднику Сорока мучеников в Красном Яру выпекают [корги]: *Как хлебушык стали давать, пякли корги* (КЯ). Слово возникло в результате переноса названия птицы вороны [карга] (мн. число [корги]) на изделие, поскольку в день Сорока мучеников пекут печенье в виде птички, которое обычно именуется *жаворонки* [18, с. 164]. День Сорока мучеников (9/22 марта) именуется в народных говорах *Сороки* [там же, с. 560]; произошла ассоциативная контаминация названий праздника и ритуального печенья с использованием для последнего популярного орнитонима (возможно, первоначально в ироническом контексте).

В другие дни выпекали *кокурки*: *Какурки пякли, ани были как пряники* (Бк.); *коралики*: *Каралики пякли, щавилю туда наризали* (Бк.). Печенье небольшого размера называют *мелочь*: *Я раскатываю и бакалам делаю – вот эта мелочь* (КЯ); а круглое – *шарики*: *Шарики ис преснава теста, круглыи* (КЯ). Стекающая с творога жидкость носит название *синя вода*: *Вадичка, катора с тварага стикаит, – эта синя вада* (КЯ); а жидкость после взбивания масла – *пахтыня*: *Эта пахтыня, на ней можна аладики печь* (КЯ). В Иловатке последняя именуется [юрага].

Закваска для приготовления кваса именуется *заварка*: *Заварку заваривали из муки, патом наквашивали и тада квас делали* (КЯ).

Крупы крупного помола называют *дроблёнкой*: *Диривянну мельницу ставиши, нечищенну драблёнку в ниё засыпаши и пиркручиваши* (КЯ). Из нее делают суп низкого качества – *баланду*: *Баланду там сварят жыдёнку, ложык не была, чирис край папёш* (КЯ).

Южнорусская реалия *мёд арбузный* – это густая тягучая сладкая жидкость, приготовляемая из уваренного арбузного сока [18, с. 317]. Делали его и в Заволжье (Бк., Чр., КЯ), при промышленном приготовлении использовали специальные приборы: *чистилка* или *каток* ‘приспособление для очистки мякоти арбуза от корки’; *жалка* ‘пресс для отжима арбузной мякоти’ (Бк.).

Особенности местной природы отражают диалектные названия растений: широко распространенный на юге сорт груш *дуля* (ср. [18, с. 154]), *дидик* ‘чилиим’ (*В вайну дидик ели, кажурку калючу срываши, а сирцывину еш.* – КЯ), *бабочки* ‘фиалка’, *семижильник* ‘подорожник’, *бессмертник* ‘пижма’, *чернотал*, *белотал*, *краснотал* ‘виды ивы’ (*На колышки чирнатал, он дольшы стаял, а плясти – билатал.* – КЯ), *чакан* ‘рогоз’ (*Чакан – трава в рике растёт, крыши из ниё делали.* – КЯ), *красна барыня* ‘бояршник’, *бела барыня* ‘лох, дикая маслина’.

Среди зафиксированных в источнике слов отмечается немало названий предметов одежды. Зимой ходили в *шубняках* (Бк.). Широко распространено на юге название женского плюшевого полупальто *гейша* и *плюшка* (КЯ). В Иловатке используется лексема *дошка* (Ил.). Словом *пинжак* обозначается мужская и женская демисезонная одежда. В говоре отмечено специфическое слово *султанка* ‘женская верхняя одежда’: *Султанка была пашыри пинжакоф* (Бк.). Фартук именуется *запон*: *Запаны шыли з грудью* (КЯ).

В говоре встречается название обуви *чиблеты*: *В вайну валенков не была, чиблеты наденеш и пайдёш* (Бк.). В донском говоре это слово имеет значение ‘полусапожки на резинках с петлями по бокам’ [18, с. 678]. Зимой носили *валяны сапоги* (КЯ).

В крестьянском доме выделялись комнаты *передня*, *задня* (*Раншы называли задня, пиредня.* – КЯ), *подловка* ‘чердак’ (*Подлафка пат крышый.* – Бк.). От солнца окна закрывались *затворками* (КЯ). На крыльцо

поднимались по *порожкам* (КЯ, Чр.). Отдельно могла стоять *погребка* ‘помещение над погребом’: *Вот эта погренка, а там погрип* (Бк.). Предметами домашнего обихода являются *думочка* ‘маленькая подушка’, *накидушка* ‘накидка на подушки’ (*Думачка, а сверху накидушка* – КЯ), *обой* ‘занавеска, идущая по низу кровати’ (*Абой белы, с кружавами.* – Бк.). В крестьянском быту используются слова *мясорезка* ‘мясорубка’ (*На мясарески прапускали.* – КЯ), *пряха*, состоящая из *столбочков*, *ножеск*, *колеса*, *вертена* и *вьюшки* (*Пряха, што там на ней: виртяно, три ношки, два сталбочка, вьюшка.* – Бк.; *Калясо на пряхи.* – Чр.), *бадейка* ‘горшок для хранения молока’ (*В бадейках ф погриби хранили малако.* – Бк.).

Развлечений было немного в сложном крестьянском быту. Дети играли в *клёка* (*Клёк – чурку на землю ставили, палками атмиряли, сколь в ниво бить.* – КЯ), *кулюкушки* (*В децтви ф кулюкушки играли, прятки па-вашыму.* – КЯ), *голь*, *чику* (*В голь и чичу играли.* – КЯ). Взрослые играли в карты: *Карты научились рисавать, играли в базар, ф паткидной* (КЯ). В редкие минуты отдыха танцевали *карапет*, *падыспанец* и другие танцы (КЯ, Чр., Бк.)

Происходит расширение значения глаголов *работать* (*Прислала мне Валя начнушку китайску, а ана уже ни работаит.* – КЯ), *сеять* (*Сеили чяснок, картошку.* – Бк.). Просторечный глагол *калякать* употребляется в значении ‘разговаривать’: *Сичас работу трудна найти, а если ты биремнна, то и калякать с табой ни будут* (КЯ).

В народной речи «детализованы названия для предметов, имеющих или имевших в прошлом определенное хозяйственное значение» [8, с. 129].

Все три села (Бк., КЯ, Чр.) находятся на берегу Волги, поэтому в говоре много лексем, связанных с рыбной ловлей и с передвижением по воде. Местность, расположенная вверх по Волге, именуется *верха*: *Валяльцики были с вирхоф* (КЯ). Для ловли рыбы использовали *волокуши* (*Валакушыми рыбу вытаскивали.* – Бк.), *саки селёдочны* (*Саки силёдачны – эт рагатулька, ставиши йиё в берик, а на ниё шест.* – КЯ), *вешела* (*Вентирум днём лавили, а на нычь вишала ставили.* – КЯ);

плавали на *дощаниках* (*На рыбалку выходили на дощаницах.* – Чр.) и *бударках* (*Были иищѣ малиньки лотки, бударки назывались.* – КЯ). Рыболовные снасти назывались *сбруей*: *Мы раньше фсю збрую сами делали, сейчас таких рыбакоф нет* (Бк.).

Соседство с немцами отразилось в обороте *форт наус* ‘пошёл вон!’ (КЯ) < нем. *fort hinaus* ‘вон’ [17, с. 101]. К украинским соседям может восходить лексема *панствовать* ‘чувствовать себя свободно, быть хозяином’: *Вот мая комната, я тут панствую* (Бк.).

В лексическом отношении заволжский говор также обладает гомогенностью, характеризуя образ жизни и реалии быта жителей русских приволжских сел. В некоторой степени система лексики совпадает с южнорусским диалектным лексическим запасом, находит совпадение в соседних говорах, в том числе и в донских казачьих. Обнаруживаются некоторые общие черты с говором с. Горный Балыклей Дубовского района, исследованным нами по архивным материалам [19]. Однако в заволжском диалекте отмечены многие специфические единицы, отражающие особенности народной жизни Заволжья.

В целом заволжская группа обладает яркими фонетическими, грамматическими и лексико-семантическими чертами, в которых отражается «языковая картина мира носителей диалекта» [2, с. 15] и которые в таком сочетании больше не повторяются ни в одном из волжских говоров Волгоградской области, поэтому выделение этой группы является оправданным и необходимым. В ходе экспедиции 2012 г. был собран убедительный материал, подтверждающий специфическое место заволжской группы в диалектной системе региона, однако для определения особенностей морфологической и синтаксической системы и лексикона говора необходимы дополнительные выезды в поселения Заволжья и анализ архивных материалов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Сокращения названий сел Старополтавского района: *Бк.* – Белокаменка; *КЯ* – Красный Яр; *Ил.* – Иловатка; *Чр.* – Черebaево.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. Брысина, Е. В. Методологические аспекты изучения диалектной фраземики на современном этапе развития науки / Е. В. Брысина // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Л. М. Орлова, г. Волгоград, 15–17 февр. 2012 г. / под общ. ред. Е. В. Брысиной. – Волгоград: Перемена, 2012. – С. 15–22.
3. Диалектологический атлас русских народных говоров Волгоградской области / сост. Л. М. Орлов. – Волгоград: ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1969.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Астрель; АСТ, 2006. – Т. 1. – 1168 с.; Т. 2. – 1168 с.; Т. 3. – 976 с.
5. Захарова, К. Ф. Диалектное членение русского языка / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. – М. : Просвещение, 1970. – 168 с.
6. Иванов, В. В. Полногласие / В. В. Иванов // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов. энцикл., 1979. – С. 217.
7. Кудряшова, Р. И. Леонид Михайлович Орлов – ученый, учитель, патриот (1912–2001) / Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Л. М. Орлова / под общ. ред. Е. В. Брысиной. – Волгоград: Перемена, 2012. – С. 7–14.
8. Кузнецов, П. С. Русская диалектология: учеб. для учителей ин-тов / П. С. Кузнецов. – Изд. 3-е, испр. – М. : Учпедгиз, 1960. – 184 с.
9. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
10. Мурзаева, Т. И. Русская диалектология: Говоры Саратовской области: учеб.-метод. пособие / Т. И. Мурзаева. – Саратов: Наука, 2009. – 56 с.
11. Орлов, Л. М. Русские говоры Волгоградской области: учеб. пособие / Л. М. Орлов. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1984. – 95 с.
12. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. – М. : Наука, 1964. – 308 с.
13. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Просвещение, 1989. – 224 с.
13. Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Высш. шк., 1998. – 208 с.

15. Русская диалектология / под ред. П. С. Кузнецова. – М. : Просвещение, 1973. – 280 с.

16. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. – М. : Высш. шк., 1972. – 304 с.

17. Русско-немецкий словарь / под ред. Е. И. Лепинг, Н. П. Страховой, К. Лейна и Р. Эккерта. – 9-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1983. – 848 с.

18. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Волгоград : Издатель, 2011. – 704 с.

19. Супрун, В. И. Архивные документы как источник диалектной информации / В. И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета : Спецвыпуск к 90-летию со дня рождения проф. В. С. Ильина. – 2012. – № 4 (68). – С. 108–112.

20. Супрун, В. И. Заволжская группа русских говоров: фонетический уровень / В. И. Супрун // Грани познания : электрон. период. изд. – 2012. – № 6. – Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1358409517.pdf>. – Загл. с экрана.

GROUP OF RUSSIAN DIALECTS OF SOUTHERN VOLGA REGION

Suprun Vasilij Ivanovich

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of General and Slavic and Russian Linguistics,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
suprun@vspu.ru
Prospect Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article refers to the group of Russian dialects of southern Volga region and identifies the main features of phonetic, morphologic and lexical systems, marks their homogeneity, allowing to distinguish this group as an independent one. The paper includes the examples of dialectisms of different types.

Key words: Russian dialectology, dialectism, hyper-form, dialects, southern Volga region.